

ПОДХОДЫ К УСТАНОВЛЕНИЮ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЖИВОТНЫХ

Немченко Даниил Евгеньевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Факультет права

mautlew@gmail.com

+79152433842

Развитие человеческого самосознания способствовало нарастанию беспокойности проблемами экологии и живой природы, что стало причиной возникновения относительно детализированной нормативной базы, определяющей отношение субъектов регуляции к этим явлениям.

Устанавливаемые правоотношения в различных социальных общностях нередко разнятся, равно как политическое и философское обоснование тех или иных подходов к правовой регуляции. Упомянутое обоснование имеют фундаментальную значимость, поскольку правовые культуры в широком смысле так или иначе строятся на конкретной аксиоматике, которая в немалой степени объясняет методы регулирования, субъектов права, вопросы этики и другое.

Несмотря на обширный плюрализм мнений относительно «гуманного» отношения к животным, доминирующей аргументацией лояльного правового статуса животных, а также идеи их прав, является их способность к страданию. Зоо-правозащитники настаивают на наличии основополагающих прав животных. С юридической точки зрения, названная позиция по своей сути является концепцией естественных прав.

Следует заметить, что идею естественных прав по своему происхождению вряд ли можно назвать правовой. Для этого представляется необходимым изложить наше понимание права.

Мы придерживаемся юридико-либертарного подхода к правопониманию, признаем за правом конвенциональное происхождение. В

первую очередь следует заметить, что правовые отношения могут возникать только лишь между индивидами, способными вступать в рациональную добровольную коммуникацию, поскольку право выражается в согласии относительно предмета регулирования. Его существенными характеристиками являются добровольность на этапе согласования условий, заключения соглашения и исполнения, а также, в рамках установленных санкций, принудительность на этапе нарушения.

Право – это социальное отношение, оно не может существовать без общественного (культурного, коммуникативного) контекста. Право не может возникнуть в условиях единственного человека на необитаемом острове, пусть даже когда-либо находившегося в правовой среде, поскольку это противоречит концепции отношений как intersubjectных взаимодействий. Более того, право также не может возникнуть при наличии только лишь двух лиц, поскольку отсутствует независимый аппарат принуждения и третья сторона (арбитр) признающий отношения правовыми.

Исходя из изложенного следует, что поскольку существо не способно вступать в рациональную коммуникацию и недвусмысленно согласовывать условия, постольку оно не может являться субъектом правоотношений. Здесь особо важно подчеркнуть, что способы согласования могут быть качественно разнообразны. Подлинно правовые отношения никогда не могут возникнуть без согласия. Уместно привести пример международных соглашений. В случаях, когда государства не могут договориться, между ними не возникает конкретной правовой связи, то есть они не становятся субъектами правоотношений, но сама потенция у этих акторов стать субъектом существует. При всем этом, любые представители государств относятся к одному биологическому виду, а уровень их культурного развития нередко может быть идентичным, но случается, что даже такие акторы не могут заключить между собой правовых соглашений.

И хотя, чаще всего, у людей не возникает сомнений относительно биологической, а в некоторых особых случаях и социальной, культурной,

классовой и пр. способности других людей к адекватным социальным взаимодействиям, в обозначенной ситуации едва ли следует говорить о такой возможности у других представителей животного мира. Безусловно, научные исследования могут демонстрировать нам активность областей мозга животных, апеллируя к тому, что при схожих триггерах мозг человека реагирует аналогично, ученые могут ссылаться на возможности страдать, чувствовать и обладать многими похожими интенциями, свойственными человеку, однако все это остается реконструкцией, картой возможной реальности, но не самой реальностью.

Следует также отметить, что боль далеко не всегда является индикатором страданий, как и удовольствие – показателем счастья. Среди человеческих ощущений эти тезисы наиболее справедливы, поскольку имеются очевидные примеры: самосожжение монахов, аскетические истязания йогов и пр., то есть существует возможность торможения таких импульсов. Известно, что субъективное ощущение боли может быть усилено или уменьшено, что может быть сопряжено с общим эмоциональным фоном и другими психологическими факторами. Также важно сказать: за ощущением боли вовсе необязательно следует переживание о ней, животные естественным образом ощущают боль, но переживание боли для большинства животных вовсе не характерно.

Изложенные аргументы критикуют научное знание в целом, указывают на гносеологическую невозможность идеального отражения действительности. Тем не менее, с правовой точки зрения невозможно признать существо субъектом, до тех пор, пока не будет идентифицирован однозначный контакт между акторами, согласованность их воли.

Более того, экстраполяция «человеческого страдания» на животных свидетельствует об антропоморфном понимании их природы, что имеет под собой сомнительное происхождение.

Важно отметить, что невозможность идеального познания не обязательно означает нигилистический подход к разрешению поставленных

задач. Отдельные социальные общности имеют собственное видение относительно проблемы, в том числе ненаучное, но утилитарная ценность объективного знания, пусть даже несовершенного, для большинства людей имеет значение.

Концепции естественных прав в силу указанных выше аргументов не способны отвечать генезису правовых, конвенциональных идей. Отсюда следует, что правовой режим животных надлежит регулировать путем воздействия на человеческое поведение, то есть закреплять (в мере согласия субъекта) обязанность, к примеру, «не истязать животных», но не путем закрепления за животными права быть неподверженными насилию, как это аналогично воплощено в правах человека (теоретически, они являются естественными правами, что также достаточно абсурдно, но в силу согласия относительно, к примеру, невмешательства в частные дела и запрета агрессивного насилия по отношению к человеку, то есть общественного признания этих норм, они действительно становятся правовыми, выражаясь как в общей форме (каждый имеет право на жизнь), так и в частных проявлениях (на уровне УК, КоАП и тп.); в ситуации с естественными правами человека, формальное наименование не отражает действительный генезис регулирования), а путем конкретного запрета излишне мучительного воздействия на определенные живые организмы.

Итак, нормативное регулирование статуса животных должно строиться путем установления прав и обязанностей допустимого поведения субъектов.

Говоря о природном состоянии представителей живых организмов, невозможно презюмировать те или иные идеи, якобы присущие всем представителям социальным общностям. Практики поведения групп могут кардинально различаться в зависимости от различных условий и предпосылок развития этих групп. Само возможное поведение, как правовое, так и не урегулированное правом, может быть абсолютно любым, важно осознавать, что не существует природно-должной/естественной/необходимой модели отношения между субъектами, любые практики поведения остаются всего-

навсего таковыми, каковыми они могут быть в силу обстоятельств, а тезисы, основанные на идеях положительных или отрицательных коннотаций относительно объектов, применять к таким практикам абсолютно неадекватно, поскольку среда экологических систем такими категориями не может обладать.

Данный тезис свидетельствует о том, что любая попытка объективизировать поведение людей с отсылкой к естественному состоянию не может быть признана обоснованной. Исходя из этих неправовых тезисов следует признать, что даже самое жестокое отношение будет нормальным/естественным (как в отношениях людей, так и в отношениях людей с животными) просто в силу того, что отсутствуют достаточные основания заявлять о наличии сверхимперативного объективного регулятора.